

А

Шаронова А. В. [Предисловие: О. И. Сенковский в письмах к А. В. Никитенко (1833--1848)] // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). -- СПб.: Наука, 2004. -- Т. XVI/XVII. -- С. 398--399.

<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isg/isg-3982.htm>

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится коллекция писем (62) О. И. Сенковского к А. В. Никитенко,¹ относящихся к 1833--1848 гг. Это было время подготовки к печати т. 1 журнала "Библиотека для чтения" (под редакцией Сенковского), которая началась, по-видимому, осенью 1833 г., и издания дальнейших его томов, -- время, отчасти совпавшее с периодом цензора Никитенко (апрель 1833 -- июль 1848 г.). Вероятно, письма готовились к публикации, так как все они пронумерованы и в деле хранятся писарские копии 43 из них.² Два письма³ были впоследствии полностью опубликованы В. А. Кавериным⁴ и Н. В. Швецовым.⁵ Представляется важным введение в широкий научный оборот значительной части этой коллекции.⁶ Во-первых, от обширного эпистолярия Сенковского практически ничего не осталось: за исключением большой коллекции писем к А. В. Старчевскому конца 1840--1850-х гг.,⁷ все известные нам собрания содержат 2--3, редко 7 его писем. Огромный редакторский и личный архив, по свидетельству Старчевского, был уничтожен самим писателем, чтобы его не опубликовала А. А. Сенковская после его смерти⁸ (Сенковский резко отрицательно относился к "преданию печати" "безжалостным потомством" "всех лоскутков бумаг" известных людей).⁹ Во-вторых, в отличие от разбросанных по архивам отдельных писем материалы Пушкинского Дома имеют широкий временной и тематический диапазон. В этом диапазоне особенно интересны, с нашей точки зрения, два больших периода издания "Библиотеки для чтения", в которые А. В. Никитенко был постоянным цензором журнала: первый -- от подготовки первого тома журнала осенью 1833 г. до конца 1837 г.; второй -- с 1844 г. по 1848 г.¹⁰ Из 91 тома "Библиотеки для чтения" Сенковского он цензуровал 53. Сенковский обращается к Никитенко также и как к цензору своих и чужих книг.

Несомненна информативность этого материала для истории русской журналистики и цензуры; вместе с тем он важен и для характеристики личностей адресанта и адресата. Публикуемые письма говорят о том, что в течение долгих лет тесного сотрудничества между цензором и редактором журнала сложились неплохие личные отношения, несмотря на случавшиеся иногда размолвки и следовавшие за ними периоды охлаждения. Можно говорить даже об особой форме приятельства между ними. Сенковский пишет Никитенко не только как цензору, но и как своему автору и сотруднику, как давнему приятелю, человеку пусть и не самому близкому, но верному и надежному. Желанием упростить отношения с цензором, сведя их к неформальным отношениям двух коллег и приятелей, объясняются призыв содействовать предприятию (т. е. по сути сотрудничать с журналом) и многократные просьбы не отдавать материалов в Цензурный комитет, решать все спорные вопросы между собой, полагаться на честное слово. Вся эта тактика имела одну цель -- быстрое разрешение цензурных проблем, необходимое для обязательного выхода первого числа каждого месяца новой книжки "Библиотеки для чтения". Этой цели приносились в жертву зачастую и неприкосновенность авторского замысла, и полнота журнальных материалов. Мысль о том, что цензор и редактор журнала не враги, а коллеги, совместно трудящиеся на благо отечественного просвещения, была равно близка и Сенковскому (весьма либеральному в свое время цензору), и Никитенко. Возникновение доверительных отношений с цензором было, таким образом, связано не только с необходимостью обеспечить успешный ход журнального процесса, но и с характерами и убеждениями адресанта и адресата (см. запись в дневнике Никитенко об "ожесточенных прениях с Сенковским" по поводу исключения некоторых фраз в его "Записках домового": "Он восстал, но в заключение уступил мне, однако не столько как цензору, сколько приятелю, который убеждал его со стороны вкуса и приличия. Мы расстались вполне миролюбиво"¹¹). Часто в записях Никитенко мы встречаем мысли, созвучные высказываниям Сенковского (см., например, письмо 31), -- очевидно, доводы их автора казались цензору убедительными. Не случайно Никитенко не захотел быть цензором "Современника": "...с Пушкиным слишком тяжело иметь дело",¹² но долгие годы был цензором "Библиотеки для чтения". После многих лет общения он сохранил к Сенковскому уважение. Проскальзывающие, несмотря на комплименты и уступчивость, в письмах редактора иронические, а временами и высокомерные нотки не оставили у Никитенко неприязненного чувства, которое, к сожалению, часто возникало у людей, общавшихся с Сенковским, и мешало дальнейшему сближению, оставляя его в одиночестве, литературном и личном. В письмах редактора ярко отразилась непрерывность всепоглощающего журнального процесса и страстная, "опрометчивая"¹³ натура их автора. И, конечно, эти письма становятся еще более интересными, если рассматривать их вместе с другими письмами